

И.И. Стрекаловская

Две модели развития социализма в Советской России (Бухарин, Сталин)

Октябрьская революция 1917 г. сняла одни проблемы, создала новые, но многие из старых проблем остались, и главная из них – проблема вхождения в индустриальный мир. К этому времени все серьезные политики, которые представляли направления российской общественной мысли, пересматривают свой старый идейный багаж, так как ничьи пророчества по вопросу о том, куда идет Россия, не оправдались. Свои взгляды по вопросу достижения «цивилизованности» в России пересматривает и большевизм, особенно начиная с 1921 г. В 1920–1930-е гг. большевики знали только две модели модернизации России – это так называемый военный коммунизм и НЭП (новая экономическая политика), но они обе оказались несостоятельными. Поборником первой модели был Л.Д.Троцкий со своими сторонниками, вторую отстаивал Н.И.Бухарин. Оба были последователями концепции Ленина, но апеллировали к различным сторонам и периодам в ленинской идейной эволюции. Бухарин вслед за Лениным 1920-х гг. начал догадываться, что без крепкого и культурного крестьянства Россия никогда не только не построит социализм, но и не сможет вообще решить никаких вопросов русского государственного бытия – ни построить индустрию, ни создать боеспособную армию, ни отстоять своего достойного места в ряду великих держав, Троцкий же на Россию смотрел лишь как на топливо для вселенского пожара «перманентной пролетарской революции». Превращение России в индустриальную державу требовало напряжения всех на-

циональных сил. Каковы же были возможные источники средств для капиталовложений? Их три – доходы самой промышленности, иностранные кредиты и перекачка средств из сельского хозяйства. Первый источник оставался слабым, второй означал перекачку национального дохода за рубеж в счет оплаты по ростовщическим процентам, или долговую кабалу. Оставался третий источник накоплений – ограбление деревни и нищета народа. Но ограбленный народ – это прежде всего низкий платежеспособный спрос, т. е. узость внутреннего рынка, а в условиях, когда внешний рынок закрыт, а внутренний остается очень незначительным, промышленность превращается в монстра и этот монстр начинает работать сам на себя, на свое расширение, ремонт, обслуживание и т. д. Промышленность сама себе и заказчик, и потребитель, а человек со своими потребностями неизбежно отодвигается на обочину как непроизводительная затрата. К этому нужно еще добавить постоянно растущие расходы на военно-промышленный комплекс, на бюрократию и царский двор («социалистическая каста» после 1917 г. – по выражению Плеханова)¹. Об опасности такой модели экономического роста особенно настойчиво предупреждали еще экономисты-народники, но их голос никем не был услышан, в том числе и большевиками, которых до 1921 г. заботили не хозяйственно-экономические проблемы, а власть, классы, классовая борьба, мировая революция и т. п. Аграрный вопрос ставился узко – лишь политически – и сводился к определению роли о крестьянстве (союзник, противник и т. п.). Н.И.Бухарин же в 1920-е гг. ставит перед собою задачу перевести всю внутрипартийную дискуссию в совершенно иную плоскость, чтобы выработать цельную концепцию обновленного большевизма, обращенного лицом к России, к решению ее жизненных социально-экономических проблем. Но эти его усилия носили непоследовательный, противоречивый и компромиссный характер. Кроме того, сам Бухарин – фигура двулика. Его имя причудливо вплеталось в политические комбинации самого разного свойства, и потому зачастую жил он не столько своими делами, сколько изменчивым составом этих комбинаций. Поэтому и сложилось широкое поле для выбора полярных оценок его деятельности. В зависимости от переменчивой конъюнктуры в схватках верхов за власть в России Н.И.Бухарина поочередно то проклинали, то превозносили до небес.

В 1917 г. большевики целиком «списали» для своего знаменитого Декрета о земле практические требования эсеровской аграрной программы, для того чтобы привлечь на свою сторону крестьянство и вывести из строя эсеровскую партию. Эти замыслы прекрасно удались, но когда крестьяне увидели действительные результаты этого заимствования в виде политики «военного коммунизма», то они взялись за оружие. В эти годы политику в стране определяли представители так называемого «интернационально-го» слоя, которые оказались у власти, но страну они не понимали и не собирались понимать. Уверовав в свою богоизбранность, они не сомневались, что призваны Россией управлять, учить ее, проклинать и переделывать по своему образу и подобию, в согласии со своими идеалами, но массовые крестьянские восстания, хотя и потопленные в крови руками Троцкого, и особенно восстание матросов Кронштадта, вознамерившихся штурмовать Зимний еще раз, смертельно перепугали руководство страны и принудили к отступлению. Официально смена курса оправдывалась необходимостью перехода от политики разрушения старого строя к политике созидания нового. Требовалась политика, основанная на экономических законах и учете интересов людей труда. В эти годы Н.И.Бухарин получил широкую популярность в качестве партийного публициста. Он составил себе имя тремя своими монографиями. «Азбука коммунизма» (1919), написанная в соавторстве с Е.А.Преображенским, «Экономика переходного периода» (1920), «Теория исторического материализма» (1921). Внимательно изучив последние работы В.И.Ленина, Бухарин с жаром принялся за разработку новой концепции «переходного периода» взамен старой. Новое было связано с тем, что Россия начала ассимилировать большевизм. Отказавшись от «военного коммунизма» и «прямого» перехода к социализму и перестав верить в «мировую революцию» как в бога, большевики начинают понимать, что жить и работать им теперь придется здесь, в России, а не в каком-то фантастическом «интернациональном» мировом сообществе, которое со дня на день должно восторжествовать в результате «мировой революции». Протрезвев, большевизм всерьез и надолго и, как показала история, небезуспешно сознательно берет на свои плечи руководство сложнейшим процессом модернизации России – превращением страны в мировую индустриальную державу, решением

аграрного вопроса, укреплением обороноспособности, подъемом материального и культурного уровня жизни народа. Этот новый курс большевизма получит название построения «социализма в отдельно взятой стране», но камнем преткновения здесь оказалась проблема агропромышленного синтеза – гармоничного развития промышленной и аграрной сфер, сотрудничества города и деревни, кооперации рабочего класса и крестьянства. Еще народники указывали на опасность несбалансированного экономического развития, когда промышленность росла за счет разграбления крестьянства. «Нас убеждают в том, – заявил Бухарин по адресу троцкистов, – что не нужно делать “уступок деревенщине”. Нужно с нее брать елико возможно больше, во славу пролетарской промышленности. Подлаживание к крестьянскому рынку есть народническая точка зрения и т. д. и т. п.»². Два взаимосвязанных в этом высказывании момента особенно примечательны для новой ориентации большевизма. Это призыв Бухарина не губить сельское хозяйство (ни ради индустрии, ни ради «перманентности») и косвенное признание Бухариным своей теперешней близости к «народнической точке зрения». В 1920-х гг. он обращается к работам неонародников, в частности к идеям так называемого конструктивного социализма В.Чернова.

Виктор Михайлович Чернов, чрезвычайно интересный идеолог. Буржуазно-демократическую революцию февраля 1917 он принял с воодушевлением, полагая, что «русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой»³. Осознавая, что Февральская революция начала выходить за границы буржуазной революции, в апреле 1917 приехал в Петербург, призывал к объединению народнических групп, партий, воссозданию Интернационала. Был кооптирован в Петросовет, избран в его Исполком. Вошел в редакцию газеты «Дело народа», центрального органа партии эсеров, в Совет ПСР, участвовал в съездах ПСР, резко критикуя большевиков и особенно В.И.Ленина. В мае 1917 стал министром земледелия в коалиционном Временном правительстве. Выступал против самовольных захватов крестьянами помещичьих земель, но и против запрещения (до принятия Учредительным собранием решения по земельному вопросу) сделок о купле-продаже земли, чем вызвал протесты кадетов. В августе 1917 вышел из

Временного правительства. К этому времени его «срединная», промежуточная позиция, надежды на «министерскую» аграрную революцию при отрицании частной собственности на землю и уповании на социализацию земли (передачу ее союзам общин, кооперациям) не удовлетворяла ни правых, ни левых. Бесспорно, что многое из написанного Черновым уже потеряло свою остроту, выглядит в наши дни старомодным, а то и заведомо неприемлемым, но также несомненно и другое: в его книгах, статьях и философско-исторической публицистике сохранилось немало страниц, до сих пор заслуживающих самого внимательного прочтения. Чернов сейчас по-настоящему «актуален», – может быть, потому, что проблемы современной эпохи, с ее катастрофическим предчувствием, колоссальным энергетическим потенциалом отталкивания от прошлого и обновленческим замыслом, сродни мессианскому духу начала XX в., а так волновавшие тогда интеллигенцию роковые вопросы «путей России» (Восток-Запад, свобода-рабство, традиция-деструкция) не решены до конца и поныне⁴. Одной из центральных идей В.М.Чернова был «конструктивный социализм», иными словами, «эволюционный социализм», предполагающий возможность построения социалистического общества исключительно демократическими методами. «Конструктивный социализм» Чернов противопоставляет «деструктивному социализму» первого периода диктатуры пролетариата. Свой большой труд, первый том которого появился уже в эмиграции, Чернов так и озаглавил – «Конструктивный социализм». Он имел намерение опубликовать и второй том, посвященный аграрным проблемам. Но рукопись (так считает знаток эмигрантских архивов Б.Николаевский) погибла вместе с большинством бумаг В.Чернова во время Второй мировой войны. Так что же перенял Н.И.Бухарин у Чернова? И как он – Бухарин – понимал идею кооперации? Кооперация, согласно Бухарину, – это прежде всего сотрудничество главных сфер народной жизни – промышленности и сельского хозяйства. Задача этой кооперации – подъем производительных сил в обеих сферах с целью повышения жизненных сил народа⁵. Напугавший многих призыв Бухарина «Обогащайтесь!» (от которого его принудили отказаться) выражал основное условие и объективный закон устойчивого экономического роста: «не может быть богатым государство при ограбленном народе»⁶. Лучший способ разрушить страну – это

ограбить людей труда. Бухаринский лозунг «обогащайтесь» имел в виду одновременный рост накоплений и подъем в обеих сферах народного хозяйства за счет их взаимопомощи через механизм регулируемого рынка, через взаимный спрос и предложение. Такое сотрудничество должно быть нацелено на взаимное стимулирование и обогащение как одной, так и другой сферы и предохранение их от ограбления банками, биржей и правящей кастой. Бухарин считал, что при нищем населении и убогом состоянии социальной сферы (узость потребительского рынка) промышленное производство, не имея иных потребителей, начинает работать само на себя во все возрастающей мере и на первых порах способно добиться немалых результатов, но поскольку в этом производстве ради производства человек с его потребностями выступает помехой, то здоровый экономический цикл (производство, сбыт, распределение, потребление) разорван, и производство держится во многом на команде, и рано или поздно наступает экономический застой и саморазрушение. Но для такой цели, – полагал Бухарин, – необходим некий объективный механизм взаиморегулирования этих сфер, и этим механизмом должен стать регулируемый рынок – такова основополагающая посылка бухаринской концепции «переходного периода». Это такое регулирование рынка, – разъяснял Бухарин, – которое не обдирает мужика как липку (т. е. ведет не к обострению классово-борьбы), а, напротив, обеспечивает наличие у него высокого платежеспособного спроса, т. е. реальной возможности купить необходимые товары⁷. Необходимо, – настаивал Бухарин, – всемерное развитие и удовлетворение потребительского и производственного спроса крестьянства, т. е. понимание того, «что наша промышленность зависит от крестьянского рынка», от состояния и темпа развития сельского хозяйства. Этот спрос будет расти по мере того, как будет развиваться производство промышленных товаров, поскольку крестьянство будет улучшать свое хозяйство, двигать его вперед, вводя все большее количество лучших орудий, повышая хозяйственную технику, методы обработки и т. д. и т. п. Отсюда совершенно ясна необходимость процесса накопления в крестьянском хозяйстве, чтобы не все проедалось и растрчивалось, а чтобы часть средств шла на покупку сельскохозяйственных орудий и т. п.⁸ «Бухаринская альтернатива» включала в себя следующие элементы: экономические (смешанная экономи-

ка, представлявшая собой сочетание обобществленного сектора с частным, гибкого плана с рынком); социальные (политика, направленная не на раскол и конфронтацию внутри общества, а на разумное согласование многообразных социальных интересов).

Бухарин считал, что возможна экономическая модель, продолжающая и развивающая ленинские представления о НЭПе, но оппонентом ему в эти годы выступал Евгений Алексеевич Преображенский (1886–1937), который предполагал, что возможна другая модель – модель классической административной системы, «сожительствоющей», однако, с экономическим механизмом НЭПа⁹. Преображенский был всего лишь поборником модернизации экономики и не видел для проведения индустриализации иных источников, кроме сельского хозяйства, не указывал их, так же и Бухарин. После начала индустриализации в СССР Преображенский перешёл на сторону Сталина, считая, что его фракция выполняет программу левой оппозиции, но, как многие союзники Сталина, как, впрочем, и его противники, был в 1937 г. арестован и казнен. В своих статьях и книжках Е.Преображенский, недавний соавтор Бухарина по «Азбуке коммунизма», а затем «ведущий экономист» в стане Троцкого, настаивал на том, что открыл «закон первоначального социалистического накопления». Смысл его «закона» таков. Без индустрии, – рассуждал Преображенский, – стране не обойтись, а капиталовложения требуются колоссальные. Где же их взять? И отвечал: – В стране аграрной основным источником накоплений может быть лишь сельское хозяйство. Ничего аморального, считал он, в таком выкачивании соков из деревни нет. И в развитых «цивилизованных» странах крестьянство тоже служило внутренней колонией для индустрии в период первоначального капиталистического накопления¹⁰. Е.А.Преображенский был сторонником решительных действий в области индустриализации и ратовал при этом за максимизацию темпов роста производства средств производства как основы технической реконструкции народного хозяйства, отвергая все иные подходы, центр тяжести которых приходился либо на легкую промышленность, либо на аграрный сектор. За свои экономические работы Е.Преображенский получил звание академика. Н.И.Бухарин со второй половины 1920-х начал активно противостоять этой доктрине Е.Преображенского. В работах «Новое открытие о советской экономике или как мож-

но погубить рабоче-крестьянский блок» (1925), «К критике экономической платформы оппозиции» (1925), «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925), «К вопросу о закономерностях переходного периода» (1926). Особое внимание вызвала его статья «Заметки экономиста» в «Правде» (сентябрь 1928), где, продолжая критику Преображенского, он в завуалированной форме обнажает пороки уже обозначившегося сталинизма, своеобразного преемника троцкизма (командно-бюрократические бесчинства в экономике, уничтожение деревни во имя индустриализации, снова добывание хлеба с помощью штыка и т. п.). Н.И.Бухарина был возмущен, что Е.Преображенский открытым текстом и без обиняков выдвинул циничное требование проводить форсированную индустриализацию за счет «эксплуатации» такой «внутренней колонии», как крестьянство. Церемониться не следует, – считал Е.Преображенский, – т. к. это «досоциалистические формы производства», а страна идет к социализму. Ни один новый строй, будь то капитализм или социализм, сам собою не возникает, – говорил Преображенский, – а требует немалых жертв. Без них не обойдется и социализм. Таков «закон» общественного развития. И против законов ничего не поделаешь. Жить нужно по законам. В России, согласно Преображенскому, следует действовать согласно «закону социалистического первоначального накопления». А он таков: «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, – тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе»¹¹. «Социалистическое хозяйство» рекомендовалось возводить на спине ограбленного мужика, а самым дешевым способом «перекачки» жизненных соков из деревни рекламировалась манипуляция с ценами – сознательно завышенные цены на промышленные изделия и заниженные на сельхозпродукцию. Привлекательность именно этого налогового способа Преображенский видел «в крайнем удобстве взимания, не требующим ни копейки на специальные налоговые

аппараты»¹². «...Здесь не случайные обмолвки, – вынужден был признавать даже Бухарин, – у тов. Преображенского есть своя последовательность, есть своя логика...»¹³. «...Весь его анализ построен на аналогии с периодом первоначального накопления капитала. Там был грабеж крестьян и здесь “эксплуатация”. Там на основе этого грабежа утверждались предпосылки для расцвета нового порядка вещей – и здесь закон социалистического накопления требует аналогичных предпосылок. Там было катастрофически быстрое “пожирание” старых форм – и здесь то же самое»¹⁴. В этой полемике нельзя не видеть, что Бухарин оказался серьезным противником определенной социально-экономической платформы – сначала троцкистской, а потом сталинской. Столь решительно против аграрной ее части никто из деятелей ранга Бухарина никогда не выступал. Здесь он был и остался единственным вплоть до сегодняшнего дня. Но оба эти варианта так и остались гипотетическими. Победила третья политическая линия – сталинская модель, представляющая собой специфическое выражение административной системы, «освобожденной» от порочащих ее связей с экономическим механизмом и отдающей явное предпочтение репрессивно-карательному аппарату принуждения к труду.

Ряд авторов, рассматривая отношение Бухарина к Троцкому и левой оппозиции, отмечает, что противоположность здесь не была такой острой, как можно было думать, судя по дискуссиям 1920-х гг. Более того, имело место фактическое сближение взглядов по ряду важных пунктов, так что «бухаринская альтернатива» могла бы приобрести более реальный характер. Александр Эрлих в своей книге «Дискуссия об индустриализации в СССР, 1924–1928 гг.» дал серьезный анализ как экономического развития СССР в 1920-е гг., так и высказанных по этому поводу различных оценок и предложений. А. Эрлих обратил внимание прежде всего на тот факт, что Бухарин, выдвигая в споре с Преображенским концепцию медленного, уравновешенного развития, был прав лишь постольку, поскольку до 1925–1926 гг. продолжался еще восстановительный период и речь шла о более эффективном использовании существующих производственных мощностей (что можно было сделать без крупных капиталовложений путем налаживания связей между городом и деревней, развития сферы потребления и т. д.). Однако эти производственные мощности были весьма изношенными и давно уже

требовали обновления. Таким образом, без крупных капиталовложений в промышленность началось бы по завершении восстановительного периода неизбежное падение темпов производства. Здесь, по мнению Эрлиха, заключался главный и трудный неопровержимый аргумент Преображенского в пользу перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Однако и у Бухарина были серьезные основания выступить против политики перекачки: она грозила разрывом рабоче-крестьянского союза, резким возрастанием социальной напряженности в стране. Получился теоретический тупик: высокие темпы промышленного роста «представлялись как жизненная необходимость и в то же время как опасность. Учитывая лежащие в основе посылки, это был тот случай, когда надо было выбирать между смертельной болезнью и фактически верной смертью на операционном столе»¹⁵. К концу этой большой дискуссии две основные группировки оказались гораздо ближе друг к другу, чем были в начале. Дискуссия о темпе обнаружила важное свойство экономических дискуссий вообще: они были тесно связаны с внеэкономическими соображениями и находились под их влиянием; таковы были вопросы внутренней и внешней политики и, что наиболее важно, – большевистской идеологии. Официальные взгляды большевиков на пути развития общества, которые так хорошо служили им между 1917 и 1920 гг., к 1924 г. оказались непригодными. Резкий демонтаж системы «военного коммунизма», введение НЭПа с его «чрезвычайной запутанностью социально-экономических отношений», «психологическая депрессия» большевиков, связанная с провалом европейской революции, смерть Ленина и зрелище борьбы его преемников, претендовавших на преданность различным вариантам ленинизма, – все это расстраивало или серьезно подрывало прежние убеждения. В некотором смысле последствия этого разочарования положили конец наивной вере большевиков во всемогущество теории. В первой половине 1925 г. в возрасте тридцати шести лет Бухарин постепенно возглавил вместе со Сталиным новое руководство большинства в Центральном Комитете; для Бухарина настал период его наибольшего влияния на советскую политику. Сталин дал создавшейся коалиции организационную власть. Роль Бухарина в коалиции была сложнее, но в равной степени важна, по крайней мере вначале. Он разрабатывал и формулировал экономическую политику и идео-

логию руководства в период между 1925 и 1927 гг. Официальный большевизм этих лет был в основном бухаринским; партия следовала по бухаринскому пути к социализму. Наиболее важным было его руководство центральными изданиями партии. Он был редактором ежедневной газеты «Правда», в апреле 1924 г. стал также редактором нового, выходявшего раз в две недели журнала ЦК партии «Большевик», созданного для «защиты и укрепления исторического большевизма против любой попытки искажения и извращения его основ»¹⁶. С политической точки зрения, наиболее важным было то, что местная партийная пресса получала руководящие установки (а зачастую и статьи) непосредственно от «Правды». Центральные органы печати были ответственными за истолкование партийных резолюций, они неизбежно играли значительную роль в окончательном формировании и проведении в жизнь политики партии. Хотя Сталин иногда восхвалял индустриализацию (особенно развитие тяжелой промышленности) и достоинства советской экономической автаркии больше, чем Бухарин, у него, кажется, не было своей собственной индустриальной или аграрной программы. Со временем первоначальной разработки бухаринской программы в 1924–1925 гг. до ее пересмотра в 1926–1927 гг. Сталин в экономической политике был бухаринцем¹⁷. Когда эта политика подверглась яростным нападкам на XIV съезде партии в 1925 г. Сталин провозгласил: «Мы стоим и будем стоять за Бухарина»¹⁸. В течение всего 1927 г. Бухарин пересматривает ряд своих экономических предложений, это были важные изменения его первоначальной программы, представлявшие собой отказ от безоговорочной опоры на свободные рыночные отношения в пользу большего вмешательства государства в форме плановых инвестиций, увеличения контроля над частным капиталом и перестройки производительных основ сельского хозяйства. Вообще, для Бухарина и правых в Политбюро этот год начался как год оптимистической переоценки перспектив, а закончился серией взаимозависимых кризисов, подорвавших их экономическую политику и поставивших под удар их политическое будущее. Во многих отношениях опасность угрозы войны была узловым моментом всех этих неудач, да и безработица в 1927 г. достигла угрожающих размеров и стала одним из самых неотразимых аргументов сторонников «сверхиндустриализации». Внутренние и международные трудности этого года породили серьезное сомнение в дальнейшей

жизнеспособности бухаринской политики, даже в ее пересмотренном и более реалистичном виде. Эти трудности, возможно, пошатнули уверенность Сталина в экономической проницательности его «на 150% нэповских» союзников и укрепили его склонность остерегаться советчиков и искать собственных путей¹⁹. Неизвестно точно, в какой момент экономическая политика начала раскалывать сталинско-бухаринское большинство. Ситуация складывалась так, что Сталин, вытесняя своих соперников, шаг за шагом добился некоторого авторитета в Коминтерне, но он был совершенно неизвестен как теоретик и болезненно воспринимал это, что видно из слов Бухарина, сказанных в 1928 г.: «Сталина съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает»²⁰. Резолюции XV съезда были воплощением пересмотренной программы правых и обещали поворот влево к «наступлению на кулачество», создание на добровольной основе ограниченного коллективизированного сектора и плановое промышленное развитие с повышенным упором на производство средств производства, однако все эти задачи выражались вполне по-бухарински, умеренным языком, и определенно исключали крайние меры. Но Сталин теперь пытался узаконить свою вновь обретенную воинственность и переиначивал по-своему эти резолюции, представляя, к примеру, «чрезвычайные меры» как «нормальное» следствие антикулацкой резолюции съезда. Отношения между Бухариным и Сталиным ухудшались. Их совместные публичные выступления, несмотря на попытки сохранить видимость единства, становились едва прикрытыми столкновениями. Когда «Заметки экономиста» появились в «Правде» 30 сентября 1928 г., они вызвали большое брожение в партии. Хотя мишенью их оставались не названные по именам сверхиндустриализаторы троцкистского толка, эта работа была явным выпадом против сталинской группы. 8 октября сталинское большинство в Политбюро, вопреки возражению Бухарина, Рыкова и Томского, осудило публикацию статьи «без ведома ЦК». Политические разногласия теперь охватывали все вопросы и, по-видимому, не оставляли места для компромисса. Разрешить их могло только решающее политическое столкновение.

Наступили 1928–1929 гг., когда Сталин и Бухарин столкнулись на крутом повороте, а точнее, на развилке нашей истории. Поставив этих двух лидеров перед решающим выбором, история дала им уникальный шанс самореализации – шанс наложить

печать своей личности на судьбы страны, а в какой-то степени и всего мира. Триумф Сталина и трагическое поражение Бухарина означали победу определенного варианта общественного устройства, определенной модели развития, определенного мировоззрения, определенного типа отношений между людьми. Сталинизм, отмечают западные исследователи, это целая система со своей достаточно жесткой структурой и внутренней логикой. Именно поэтому от него так нелегко освободиться. А был ли такой системой «бухаринизм», – если не в реальной жизни, где он не смог утвердиться, то хотя бы в потенции? Вопрос совсем не простой, ибо, с одной стороны, в решающем столкновении со Сталиным Бухарин не сформулировал четко свою стратегическую альтернативу (как, впрочем, и Сталин, чья модель развития оформилась и утвердилась лишь позже), а с другой – именно Бухарин, больше чем кто-либо другой, включая и Троцкого, излагал на протяжении 1920-х гг. свои взгляды в систематической форме, причем не только на экономическом и социальном, но и на философском уровне. В работах Н.И.Бухарина получил развитие новый подход к вопросу о роли и границах фактора насилия в социальном строительстве, о последствиях искусственного, волевого вмешательства в ход естественно-исторического развития общества, что, в свою очередь, требовало от партийно-советского руководства умения, навыка *«культурно управлять в сложных условиях реконструктивного периода»*²¹. В апреле 1929 г. состоялся очередной Пленум ЦК ВКП(б), которому предстояло обсудить ход коллективизации. Правые оппортунисты, которых возглавляли три члена Политбюро ЦК ВКП(б) председатель Коминтерна Бухарин, председатель Совета Народных Комиссаров СССР Рыков и председатель Всесоюзного Совета Профессиональных Союзов Томский, готовились дать на Пленуме генеральный бой ЦК, их активно поддерживали руководители Московской партийной организации Угланов, Рютин и другие. Готовясь к выступлению на Пленуме, Сталин особенно тщательно изучал фигуру своего главного оппонента в вопросах коллективизации – Н.И.Бухарина. В справке, представленной Сталину секретно-политическим отделом Объединенного Главного Политического Управления (ОГПУ), осуществлявшего в то время государственную безопасность, говорилось: Бухарин Николай Иванович, 1888 года рождения, русский,

родился в Москве в семье учителя гимназии, недоучившийся студент Московского университета. Якобы в 1906 г. вступил в партию большевиков и в 1908 г. был членом Московского комитета партии. Несколько раз арестовывался царской полицией, но почему-то всегда после арестов освобождался. В конце 1910 г. был сослан в Онегу, откуда бежал за границу. Находясь за границей, в 1914 г. был арестован австрийской полицией по обвинению в шпионаже в пользу России. Освобожден за недостаточностью улик и выслан в Швейцарию. В июле 1915 г. находился в Швеции, где был арестован и выслан из страны. Некоторое время проживал в Норвегии и Дании. В октябре 1916 г. нелегально прибыл в Америку, где начал работать в качестве литературного сотрудника в ежедневной газете «Новый мир», издававшейся на русском языке. Здесь Бухарин встретился с Троцким. Сталин помнил также слова Ленина, сказанные им о Бухарине: «Николай Иванович дьявольски неустойчив в политике»²². Сталин отметил, что Пленум начал свою работу в весьма знаменательное время: в год Великого перелома – и что этот перелом состоит в том, что крестьяне-середняки, убедившись в правильности политики коллективизации, начали вступать в колхозы уже не отдельными деревнями и селами, а целыми губерниями и районами. Многомиллионное российское крестьянство веками искало выход из своего тяжелейшего положения. И большевики подсказали ему этот выход, разъяснив объективную необходимость коллективизации. Если бы трудовое крестьянство не искало выход, коллективизация была бы невозможна²³. В докладе Сталин четко и предельно ясно обосновал экономическую необходимость коллективизации, показав, что каждой социально-экономической формации человеческого общества присущи свои главные и, что особенно важно, объективные, т. е. не зависящие от воли людей, экономические законы, по которым и идет ее экономическое развитие. Вот почему, производя немногим меньше зерна, чем царская Россия довоенного времени, наше зерновое хозяйство в 1927 г. смогло продать на сторону лишь немногим более третьей части того, что продавалось в довоенную пору. Таким образом, никуда не деться от объективных экономических законов: если не хотим умереть с голоду, нужно укрупнять сельское хозяйство. В этих условиях коллективизация есть объективная необходимость. Сталин говорил, что есть два пути укрупнения сельскохозяйственного про-

изводства: капиталистический и социалистический. Первый путь «означал бы насаждение в земледелии нашей страны крупных капиталистических фермерских хозяйств, в основе которых лежала бы частная собственность на орудия и средства производства и эксплуатация наемного труда. На каждые 100 дворов в крупных деревнях к 1927 году было примерно 4–5 кулацких, 8 или 10 дворов зажиточных крестьян, не эксплуатирующих наемный труд, 45–50 дворов середняцких, да дворов 35 бедняцких. Прими мы предложение бухаринцев, и в каждой крупной деревне из 4–5 кулацких дворов, по крайней мере, один или два превратились в крупных сельскохозяйственных предпринимателей-фермеров, нещадно эксплуатирующих наемный труд батраков и получающих солидную прибавочную стоимость. При таком, капиталистическом, способе ведения сельскохозяйственного производства основная масса крестьян-середняков, не говоря о бедняках, не имея возможности, как мы видели выше, вести свое индивидуальное хозяйство (отсутствии тягловой силы, удобрений, сортовых семян и т. д.), вынуждена была бы продать за бесценок свою землю, в том числе и полученную от Советской власти бывшую помещичью землю, кулакам. Сами же, лишившись земельных наделов и превратившись в сельскохозяйственных наемных рабочих-батраков, пошли наниматься на работу за гроши к кулакам, к этим, как их именует Бухарин, предприимчивым и старательным хозяевам в деревне, подвергаясь зверской эксплуатации с их стороны. Не трудно понять, что трудовое крестьянство никогда бы не примирилось со своим таким обнищанием и разорением. Многомиллионное крестьянство, составляющее большинство в вооруженных силах, в этих условиях неизбежно бы выступило, в том числе и с оружием в руках, против такой политики, точно так же, как некогда оно поднялось против продрозверсток. Словом, как теоретически, так и политически Бухарин оказался несостоятельным, полностью малограмотным в области политической экономики. Сегодня же бухаринцы еще и скрытые враги индустриализации»²⁴. Сталин напомнил делегатам, что если бы наше руководство согласилось бы на эти предложения Бухарина, то курс на индустриализацию страны был бы сорван, защищаться в условиях враждебного капиталистического окружения нам было бы нечем. Закончил он свой доклад следующим пассажем: «Так неприглядно обстоит дело с “теоретическими”

воззрениями и политикой Бухарина»²⁵. После того как Сталин закончил доклад, в зале несколько секунд стояла мертвая тишина, которая вдруг взорвалась бурной овацией. Окончательно Сталин добил Бухарина на июльском Пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в том же 1929 г.

Теоретическая и практическая деятельность Бухарина стала широко известной на Западе еще в 1920-е гг. Его «Теория исторического материализма» и ряд других работ были переведены на основные европейские языки и сразу же вызвали дискуссионные отклики. Свои оценки дали такие крупные теоретики второго и третьего Интернационала, как Каутский, Вандервельде, Лукач, Грамши. Затем наступил период, трагический для Бухарина, когда его имя в течение трех десятков лет было окружено молчанием. Возрождение интереса к Бухарину на Западе началось на рубеже 1950–1960-х гг. Нынешний интерес к Бухарину – отнюдь не чисто академический. На это справедливо указывает Стивен Коэн, автор наиболее известной из упомянутых работ, переведенной на русский в 1988 г.: «Бухарин. Политическая биография. 1888–1938». В книге отмечается, что ставший в середине 20-х годов главным теоретиком НЭПа, а в конце того же десятилетия – главным оппонентом Сталина на советской политической сцене, Бухарин представляется ключевой фигурой для выяснения вопроса о том, могла ли наша страна пойти иным путем, а не тем, по которому она пошла под сталинским руководством. С.Коэн пишет: «Исторической неизбежности не бывает – альтернативы возможны всегда. И, тем не менее, когда я начинал работать над этой книгой в середине 60-х годов, авторы научных трудов, посвященных советской истории, как на Западе, так и в СССР, исходили в большинстве своем из того, что реальной альтернативы сталинизму не было»²⁶. Главными выводами, к которым пришли серьезные западные историки, можно считать следующие. Для понимания истории Советского Союза следует, прежде всего, различать задачи социалистического строительства и задачи модернизации страны, которые сами по себе не имели ничего социалистического и должны в принципе были решаться еще до революции. По ходу истории задачи модернизации, т. е. ускоренного развития промышленности, сельского хозяйства, культуры все больше отгесняли на задний план задачи социалистического строительства. При этом, как и в истории других стран,

отставших в своем развитии, форсирование темпов осуществлялось с помощью государства, роль которого резко возрастала. Поворот, совершившийся на рубеже 1920–1930-х гг. и выразившийся в ликвидации НЭПа, в насильственной коллективизации и начавшейся форсированной индустриализации, как раз и знаменовал собой фактически полное переключение политики и экономики на решение задач модернизации. В ходе этого поворота, который на Западе называют сталинской «революцией сверху», «сталинской контрреволюцией» или «культурной революцией» в китайском смысле слова, был окончательно сформирован и соответствующий, предельно централизованный партийно-государственный аппарат, получивший впоследствии название командно-административной системы. Бухарин, пишет С.Коэн, «стал основным выразителем определенных идей и политических мер – принципов и практики НЭПа, – которые были одновременно и барьером против сталинизма, и альтернативой ему. Они находили широкий отклик в партии и стране, как до, так и после поражения Бухарина. И ничто не доказывает, что они были “абсолютной невозможностью”; они были насильственно подавлены и уничтожены вместе с НЭПом»²⁷. Каковы принципы НЭПа, это сейчас достаточно хорошо известно. Немало в последних публикациях говорилось и о том, как Бухарин разрабатывал, обосновывал и защищал эти принципы, особенно в полемике с Преображенским и другими представителями левой оппозиции. Напомним лишь основной пункт этой полемики: если Преображенский считал, что социалистическую индустриализацию надо осуществить за счет несоциалистического крестьянства, перекачивая средства из сельского хозяйства в промышленность, то с точки зрения Бухарина, напротив, следовало прежде всего создать благоприятные условия для подъема крестьянства, на этой основе интенсифицировать обмен между городом и деревней и тем самым создавать средства и стимул для развития промышленности. Линия Преображенского была фактически направлена на свертывание НЭПа, линия Бухарина – на его долговременное существование как «столбового пути» к социализму. Собственно, в этом столкновении и разрабатывалась бухаринская аргументация в защиту НЭПа как мирного, постепенного, уравновешенного движения к социалистическому обществу. Принципиально важным было намечавшееся концепци-

ей Н.И.Бухарина решение вопроса о последующей судьбе кулака. Основные направления и формы борьбы против кулачества связывались в ней с экономическим вытеснением, прежде всего при помощи всемерного развития кооперации. «Против лавок деревенских торговцев, – писал он, – мы должны выставлять не органы прямого принуждения и насилия, а наши хорошие кооперативные лавки. Против деревенского ростовщика... мы должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ...»²⁸. Как подчеркивает С.Козн и другие сторонники «бухаринской альтернативы», теоретическая аргументация Бухарина приобрела глобальный характер. Это была система взаимосвязанных аргументов экономического, социального, политического и даже морального уровня. «В своей полемике с Преображенским в середине 20-х гг., – пишет С.Козн, – Бухарин особо настаивал на этической стороне индустриализации СССР». Он отстаивал ту же точку зрения и в споре со Сталиным: «...Наша социалистическая индустриализация должна отличаться от капиталистической. ...Социалистическая индустриализация – это не паразитарный по отношению к деревне процесс»²⁹. Конечно, С.Козну известно, что Бухарин, как и другие лидеры большевиков, не очень жаловал моральную проблематику как таковую. Но, даже отрицая мораль, какие-то моральные правила и оценки он фактически применяет. Поэтому, когда Бухарин говорит о «чудовищно односторонней» политике по отношению к крестьянству, Козн усматривает в этом моральную оценку, «нравственное неприятие» подобной политики³⁰. А когда Бухарин в 1930-е гг. развертывает концепцию социалистического гуманизма, Козн видит в ней уже «откровенно этический взгляд на вещи»³¹. Выделение этической проблематики у Бухарина – это, можно сказать, особая заслуга С.Козна. Во-вторых, вслед за Марксом и Лениным Бухарин считал, что победоносная социалистическая революция должна быть делом большинства (как это было в 1917 г., но уже не было в 1921 г.). Поэтому важнейшей задачей было обеспечение поддержки социалистического строительства со стороны основной массы населения. Отсюда и вытекало сближение Бухарина с крестьянством. В-третьих, отвергая насильственную «классовую борьбу» времен гражданской войны, Бухарин становится поборником гражданского мира как единственно возможного социального контекста для строительства со-

циализма. При этом классовая борьба, имеющая характер мирной эволюции, должна была развертываться главным образом в форме конкуренции между социалистическим и частным сектором в рамках рыночных отношений. Бухарин отверг «третью революцию» (против кулаков) за несколько лет до того, как эта «революция» стала осуществляться под сталинским руководством. В-четвертых, отвергая процесс безграничного огосударствления, характерный для «военного коммунизма», Бухарин выступает против возрастающей мощи государства. Он опасается, что сочетание русской государственной традиции с тенденциями современного государства может породить «чудовищные» способы «строительства социализма» в СССР. С этим связаны его выступления против «монополистической» политики в экономике, его концепция рынка как экономического и политического посредника между обществом и государством, его настаивание на учреждении новой законности. В этом свете, добавляет С.Коэн, становится понятнее и его этическая аргументация: чиновники для народа, а не народ для чиновников, экономика для потребителя, а не потребитель для экономики, и если социалистическая индустриализация не дает народу больше благ, чем капиталистическая индустриализация, она не будет подлинно социалистической³². С.Коэн не идеализирует Бухарина, он не раз говорит о его недостатках и ошибках, считая главной из них его нежелание или неспособность проявить терпимость к своим партийным противникам, «исходя из предпосылки, будто экономическому и культурному плюрализму советского общества может противостоять некое единство взглядов внутри партии»³³.

Ища ответ на эти вопросы, ставшие ныне столь острыми, столь мучительными, мы снова и снова обращаемся к нашей истории, к людям, боровшимся за свои идеалы и отдавшим за них свою жизнь. Неужели их жертва была совершенно напрасной, а их путь – заведомо ложным? Поплатились ли они за свои глубокие убеждения или за мелкое политиканство игрока, поставившего не на ту карту? Был ли какой-то глубинный смысл в этих яростных спорах, которые вели между собой Бухарин, Троцкий, Преображенский и другие лидеры и идеологи партии, или же все дело сводилось к малозначительным деталям, раздутым игрой личных амбиций? Понятно, что пути социально-экономического развития общества всегда альтернативны, а их выбор – процесс чрезвычайно слож-

ный. Экономика, функционирующая при посредстве административного механизма, неизбежно становится затратной. А почему же экономический механизм НЭПа оказался более эффективным? Да потому, что он основан на учете планового регулирования и рыночных процессов, и именно поэтому Бухарин и его ученики страстно отстаивали в жарких творческих дискуссиях этот экономический механизм, отмечали, что он действует с большей точностью и гибкостью, чем громоздкий бюрократический аппарат. Убедительные ответы на вопросы: как, за счет чего проводить индустриализацию, – и содержались в работах этих экономистов. Защищаемая ими система была системой хозяйственного расчета, четко ориентированной на самозарабатывание средств, на самофинансирование, на внутрихозяйственные накопления, на учет экономических интересов рабочего класса и крестьянства. Но на практике события развивались иначе. Экономический механизм неуклонно ослабевал, а административная система продолжала бурно прогрессировать. Стремительно нарастала эскалация авторитарного централизма, который не базировался на экономических методах и не сопровождался одновременным расширением хозяйственного демократизма. В 1926 г. началась реорганизация ВСНХ в направлении резкого усиления его планово-регулирующей роли в отношении всей промышленности страны. Быстро сворачивается хозяйственный расчет трестов, которые уже не ориентированы на получение прибыли. Трестам теперь спускаются сверху детальные плановые задания, инструкции, указания, делающие призрачной их хозяйственную самостоятельность, вытравливающие их инициативу и предприимчивость. Главным для всех руководителей становятся неукоснительное и своевременное выполнение директив сверху, жесткий контроль над деятельностью подчиненных, поддержание исключительно высокого уровня исполнительской дисциплины.

Центральное место в дискуссиях, посвященных характеру и будущему нашей страны и выбору пути, который необходимо сделать уже сегодня, занимает многогранный, нередко полный внутреннего драматизма и эмоциональных всплесков спор о прошлом Советского Союза и в особенности вопрос: являла ли собой новая экономическая политика, которую В.И. Ленин ввел в 1921 г., а Н.И. Бухарин позднее развил и защищал, жизнеспособную альтер-

нативу «великому перелому», осуществленному И.В.Сталиным в 1929 г.? Здесь следует обратить внимание на следующий удивительнейший факт и задуматься над ним. Россию постоянно преследуют программы систематически сменяющихся «переходных периодов»: от капитализма к социализму, затем – к коммунизму, потом опять к социализму («зрелому, развитому» и т. п.). Это необычное состояние России еще должно стать предметом серьезнейшего осмысления с точки зрения глубинных причин такого состояния, его доктрин, главных инициаторов, носителей и результатов подразумеваемых идей. История с Бухариным – благодатнейший материал и наглядное пособие для такого изучения. Он – один из генералов одного из «переходных периодов». Его имя не оставляли в покое и активно использовали в качестве пропагандистско-психологического инструмента в последующее время. Наиболее очевидными особенностями этих «переходных периодов», при всей специфичности каждого из них, можно назвать следующие. Выбор целей, сроков и методов неизменно совершался узким кругом лиц, за спиной народа и якобы от его имени. На словах провозглашенные замыслы никогда не совпадали с реальными конечными результатами, т. е. для народа «переходы» оказывались безрезультатными и деструктивными и вели от одного разочарования к другому. Поскольку настоящее всегда ставилось на службу будущим целям, а эти цели постоянно пересматривались и даже перечеркивались (вчера это строительство социализма, сегодня строительство капитализма, а завтра – неизвестно чего), то жизнь целых поколений обесценивалась и приносилась в жертву неясно очерчиваемым целям, самим этим поколениям неизвестным. Выбор времени тоже интересен. Как только в развитии страны обозначалась устойчивая стабилизация, тут же подавался сигнал к новому «переходу» и «перестройке». Предшествующая история с началом нового «перехода» тут же переписывается заново на потребу изменившимся обстоятельствам, что провоцирует конфликты поколений, а народ лишает истории.

Примечания

- 1 *Богданов Б.В.* Бухарин-теоретик официального социализма // Был ли у России выбор? (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996. С. 59.
- 2 *Преображенский Е.А., Бухарин Н.И.* Пути развития: дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 163.
- 3 http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/chernov_viktor.
- 4 *Ярцев Б.К.* Социальная философия В.Чернова // Был ли у России выбор? (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). С. 95–96.
- 5 *Бухарин Н.И.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // *Бухарин Н.И.* Избр. произведения. Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 62–63.
- 6 Цит. по: *Богданов Б.В.* Бухарин-теоретик официального социализма. С. 66.
- 7 Там же. С. 66–67.
- 8 Там же. С. 68.
- 9 *Преображенский Е.А., Бухарин Н.И.* Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990. С. 106.
- 10 Там же. С. 28–29.
- 11 Там же. С. 106.
- 12 Там же. С. 99.
- 13 Там же. С. 180.
- 14 Там же. С. 186.
- 15 Цит. по: *Грецкий М.Н.* Н.И. Бухарин в оценках западных исследователей // Был ли у России выбор? (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). С. 80.
- 16 Цит. по: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 г. / Пер. с англ. М., 1988. С. 257.
- 17 Там же. С. 256.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 327.
- 20 Цит. по: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 г. С. 267.
- 21 *Бухарин Н.И.* Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года // *Бухарин Н.И.* Избр. произведения. Путь к социализму. С. 365 (курсив Н.Бухарина).
- 22 stalinism.narod.ru Сталин: правда и ложь Крах Бухарина.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. С. 15.
- 27 Там же. С. 19.
- 28 *Бухарин Н.И.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. С. 52–53.
- 29 *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. С. 385.
- 30 Там же. С. 385.
- 31 Там же. С. 431.
- 32 Там же. С. 279–280.
- 33 Там же. С. 281.